

Катасонов В. «Философия хозяйства»: К 100-летию выхода в свет работы о. Сергия Булгакова //Электронный ресурс: Русская народная линия. URL: Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/08/02/filosofiya_hozyajstva (время обращения 10.11.2016)

В нынешней России образованным людям (такие люди, слава Богу, еще сохранились в нашей стране) хорошо известно имя русского мыслителя Сергея Николаевича Булгакова (1871 – 1944). Личность очень разносторонняя: философ, экономист, литературный и художественный критик, священник, политический и церковный деятель. Углубляться в его биографию мы не будем, поскольку она подробно изложена в различных источниках (в том числе в интернете). В данной публикации сосредоточим наше внимание на работе С. Булгакова «Философия хозяйства», которая увидела свет ровно 100 лет назад. Отметим эту дату тем, что попытаемся еще раз осмыслить данную книгу с учетом бурных и трагических событий прошедшего века и тех вызовов, перед которыми сегодня оказалось русское общество. И попытаемся донести основные идеи выдающегося русского мыслителя до современного читателя. Быть может, после этого у него появится желание познакомиться с самой книгой.

***Говорящий сам от себя ищет славы себе; а Кто ищет славы По-
славшему Его, Тот истинен, и нет неправды в Нем.
Ин. 7: 18***

1. Введение

В годы перестройки и реформ творческое наследие С. Булгакова, замалчивавшегося на протяжении советского периода нашей истории, стало доступно широкой аудитории. Достаточно большими тиражами в последние два десятилетия издавались такие работы С. Булгакова, как «Два града. Исследования о природе общественных идеалов», «Философия хозяйства», «Свет невечерний. Созерцания и умозрения», «Философия имени», «Икона, ее содержание и границы», «Апокалиптика и социализм», «Православие. Очерки учения православной церкви» и ряд других.

Пожалуй, наиболее востребованной со стороны нашей интеллигенции оказалась работа «Философия хозяйства». Особый интерес к ней, был вызван, видимо, названием. В годы перестройки и реформ вопросы экономики в нашей стране вышли на первый план. При всем обилии литературы по экономике, финансам, предпринимательству на полках книжных магазинов, сохранялся голод на литературу, в которой бы раскрывались не частности, а давалось метафизическое осмысление экономики и хозяйственной жизни.

«Философия хозяйства» Булгакова сразу же привлекла к себе внимание взыскательных читателей своим многообещающим названием. Однако многим даже подготовленным читателям книга оказалась не «по зубам». Из нее

«выковыривались» отдельные цитаты и обсуждались периферийные вопросы. Выяснилось, что «Философия хозяйства» - совсем не легкое чтение, к которому многие стали привыкать в постсоветский период. Было также определенное разочарование: выяснилось, что она посвящена не столько экономике, сколько философии и требовала специальной философской подготовки. А философия, согласно «духу времени» - совершенно ненужный хлам, на компанию в котором в наше динамичное время ни у кого времени нет.

Уж не знаю про современных философов, но экономистами Булгаков не был понят. От Булгакова ожидали ответа на вопрос: «Какой должна быть экономика?» А вместо четкого ответа в духе привычного рационализма его книга «грузила» читателя новыми вопросами и «антиномиями», весьма далекими от прагматичных запросов нашего времени.

В учебниках по экономике про «Философию хозяйства» С. Булгакова вообще забывают упомянуть или пишут коротко и невнятно. Даже в учебниках по «*Основам философии экономики*» (в экономических ВУЗах появилась такая дисциплина) «Философии хозяйства» Булгакова уделяют не более одной страницы (см., например: Самсин А.И. Основы философии экономики. Учебное пособие. – М.: ЮНИТИ, 2003, с. 79-80). В нескольких строках или абзацах изложить суть и своеобразие «Философии хозяйства» С. Булгакова конечно же невозможно. Попытаемся сделать это в формате статьи.

Почти в любой серьезной публикации о С. Булгакове говорится о противоречивости творчества русского мыслителя. Действительно, трудно найти как абсолютных поклонников, так и абсолютных отрицателей его интеллектуального наследия. То же самое можно сказать и о книге «Философия хозяйства». С учетом этого соображения построим нашу статью по следующему плану: а) очевидные достижения, конструктивные идеи «Философии хозяйства»; б) ее недостатки, ошибки, ереси; в) выводы и предложения.

2. «Философия хозяйства» как философский взгляд на мир через призму хозяйства

1. С.Булгаков дал метафизическое осмысление хозяйства, хозяйственной деятельности человека и общества, выйдя за узкие, привычные рамки политической экономии (предметом которой, строго говоря, выступает не хозяйство, а «экономические отношения» в обществе по поводу этого самого хозяйства). Как экономист он попытался укрепить фундамент экономической науки (прежде всего, политической экономии) за счет философского осмысления экономики.

Приведем несколько определений «хозяйства», разбросанных по разных страницам «Философии хозяйства» (номера страниц даются по изданию: Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Институт русской цивилизации, 2009).

(1) «Борьба за жизнь с враждебными силами природы в целях защиты, утверждения и расширения, в стремлении ими овладеть, приручить их, сделаться их *хозяином* и есть то, что в самом широком и предварительном смысле слова может быть названо *хозяйством*. Хозяйство в этом смысле свойственно всему живому, не только человеческому, но и животному миру...» (с.79).

(2) «Итак, хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечивания природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. Содержание хозяйственного процесса можно поэтому выразить еще и так: в нем выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью, поэтому в пределе цель эту можно определить как превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью, как *очеловечение природы*» (с.79-80).

(3) «...хозяйство можно определить как трудовую борьбу за жизнь и ее расширение» (с.82).

(4) «Признак хозяйства – трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению. Это напряженная активность человеческой жизни, во исполнение Божьего слова: *в поте лица твоего снеси хлеб свой*, и притом всякий хлеб, т.е. не только материальную пищу, но и духовную: в поте лица, хозяйственным трудом не только производятся хозяйственные продукты, но создается и вся культура» (с.83).

(5) «Все хозяйство представляет собой такую объективную деятельность, которая предполагает под собой, очевидно, некоторую объективную деятельность. Оно есть постоянное воздействие хозяина, *субъекта хозяйства* (пока здесь безразлично, единичного или коллективного) на вещи (природу или материю, как бы она далее философски не конструировалась), т.е. на *объект хозяйства*. И всякий хозяйственный акт осуществляет собой некоторое слияние субъекта и объекта, внедрение субъекта в объект, субъективирование объекта, или же выход субъекта из себя в мир вещей, в объект, т.е. объективирование субъекта» (с.87).

(6) «Хозяйственная жизнь сводится к обмену веществ, к некоторому круговороту или чередованию вдыханий и выдыханий. На языке политической экономии вдыханиям соответствует производство, а выдыханиям – потребление» (с.111).

(7) «Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой; обладая силами природы, он творит из них, что хочет. Он создает как бы свой новый мир, новые блага, новые знания, новые чувства, новую красоту, –

он творит культуру, как гласит распространенная формула наших дней» (с.173).

В работе «Философия хозяйства», равно как и в других произведениях С. Булгакова можно найти еще немало длинных, развернутых и коротких, лаконичных как формулы, определений «хозяйства». Они не противоречат друг другу, а высвечивают разные грани сложного явления, называемого «хозяйством». Некоторые определения изложены на сугубо научном (достаточно тяжеловесном) языке, другие не лишены поэтичности и демонстрируют полет творческой фантазии С. Булгакова. В синтезированном виде понимание С. Булгаковым хозяйства, хозяйственной деятельности можно свести к следующему: *сознательно выстраиваемое человечеством взаимодействия с окружающим природным миром в целях сохранения, воспроизводства и расширения жизни.*

2. Хозяйственная деятельность, по Булгакову, имеет своего субъекта и свой объект. *Субъектом хозяйства* выступает человечество. Именно человечество, а не отдельные люди. Общий хозяйственный процесс складывается из миллионов разрозненных действий отдельных хозяев. Но это лишь кажущаяся разрозненность. Даже если индивидуальные хозяева осуществляют свою деятельность в рамках натурального хозяйства и не связаны формально между собой нитями рыночных товарно-денежных или иных экономических отношений, общий хозяйственный процесс имеет свою внутреннюю логику. Задача философии хозяйства постичь эту логику, и, быть может, обеспечить человечество необходимыми ориентирами планомерного, сознательного управления хозяйственной деятельностью. *Человечество как субъект хозяйства* – не только совокупность внешне разрозненных людей, живущих в данный момент на Земле, но также сумма всех поколений живших со времен Адама на Земле людей, которые создавали материальную и нематериальную культуру, являющуюся общим наследием человечества. На докторском диспуте при защите диссертации С. Булгаков отметил: «По вопросу о субъекте хозяйства или хозяине, точка зрения, защищаемая в «Философии хозяйства», сводится к признанию всеобщего (трансцендентального) субъекта хозяйства, носителя хозяйственной функции. Таковым субъектом может быть только человечество как таковое, не коллектив или собирательное целое, но живое единство духовных сил и потенций, к которому причастны все люди, умопостигаемый человек, который обнаруживается эмпирически в отдельных личностях» (с. 370).

Что касается *объекта хозяйства*, то это не только непосредственные предметы труда (согласно положениям политической экономии), но также весь мир, вся вселенная. В конечном счете, в качестве объекта может выступать и выступает сам человек (его духовное, культурное, физическое преобразование). Грань между субъектом и объектом хозяйства достаточно условная, размытая. При этом в процессе производства и потребления (два основ-

ных хозяйственных акта) происходит взаимное проникновение субъекта и объекта.

3. Взявшись решать ряд вопросов политической экономии, Булгаков вышел на уровень «вечных вопросов» бытия, смысла жизни и человеческой истории, свободы и необходимости, роли личности в истории и т.п.

Булгаков пришел к выводу, что философия хозяйства – не просто раздел (аспект) философии, а новая версия целостной философской системы со своей онтологией, гносеологией, антропологией, космологией. По мнению С. Булгакова, его философская система преодолевала некоторые недостатки и противоречия философской системы Канта и других немецких философов, идеи которых еще в XIX веке очаровали русскую интеллигенцию. Мыслители разных времен находили свои «калитки», через которые они проникали в бесконечный и таинственный мир бытия. Для Булгакова такой «калиткой» оказалось «хозяйство».

4. Человечество, по образному выражению Булгакова, - живой организм, функционирующий на основе свободных решений и поступков; окружающий мир – механизм, функционирующий по законам механического детерминизма. Вторжение человечества в окружающий природный мир приводит к тому, что последний постепенно из механизма превращается в организм. «Оплодотворенная» человеческим трудом природа становится как бы продолжением живого организма человечества. Жизнь расширяет свои владения, смерть и мертвая материя отступают. Впрочем, между жизнью (организмом) и смертью (каменной природой) идет непрерывная борьба за сферу влияния. Сфера жизни ослабленного организма может сужаться как шагреновая кожа.

3. Критика «экономизма» и его марксистской разновидности

1. Булгаков дал критику «экономизма», или «экономического материализма», который в конце XIX – начале XX вв. стал господствующей парадигмой мышления и жизни человечества. Никакого рационального, научного (и, тем более, философского) осмысления этого феномена к этому времени не было. Булгаков не просто дал критику «экономизма», он рассмотрел за этим мировосприятием правду жизни. А именно вечную (с момента грехопадения человека в раю) борьбу человека и человечества за жизнь. «Экономизм», по мнению Булгакова – постоянная черта падшего человечества. По мнению Булгакова, «экономизм» отличается от мамонизма – поклонения Мамоне; *мамонизм* - массовое явление новейшей истории, связанное с капитализмом. Кстати, в то время, когда писалась «Философия хозяйства», термин мамонизм стал достаточно широко использоваться в немецкой социологической литературе, с которой Булгаков (судя по многочисленным ссылкам в «Философии хозяйства») был хорошо знаком.

2. Вместо религиозно-философского осмысления корней «экономизма» мыслители эпохи Реформации и Просвещения создали прикладную экономическую науку, которая, по сути, стала инструментом мамонистских устремлений нарождающейся буржуазии. Особое внимание в «Философии хозяйства» Булгаков уделяет разбору *меркантилизма* – предтечи английской политической экономии 18 века (*Адам Смит* и *Давид Рикардо*). «Политическая экономия родилась под знаком меркантилизма, т.е. из вполне практических мотивов, из потребности разобраться в сложности хозяйственного механизма. Она есть дитя капитализма и, в свою очередь, является наукой о капитализме, давая основы правильного хозяйственного поведения. В политической экономии открыто или замаскировано решаются те или иные практические задачи...» (с. 327). Критерием оценки тех или иных экономических решений и проектов, согласно учению меркантилистов, является увеличение богатства, под которым в те времена понималось в первую очередь золото. Меркантилизм как экономическая политика государства (протекционизм, поощрение экспорта, добычи золота и др.) сыграл практическую роль в становлении капитализма в Европе. Меркантилизм как разновидность духа мамонизма сохранился и укрепился в политической экономии 18-20 вв. (хотя формально он был заменен другими теориями и учениями).

Серьезный вклад в формирование меркантильного духа политической экономии внес *Иеремия Бентам* с его учением *утилитаризма*. Булгаков считает, что дух И. Бентама присутствует и в политической экономии начала XX века, в том числе в ее марксистской версии. Булгаков называет бентамизм «моральной арифметикой», стремлением «применения числа к этике». В целом Булгаков констатирует, что этика в современной ему экономической науке замена числом. Можно сказать, что во многих экономических исследованиях нашего времени (XXI век) *математические расчеты и формулы* окончательно вытеснили проблемы этики, а заодно и создали видимость того, что это и есть «наука». Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Все, что содержит «факты», особенно же в каббалистической форме статистической таблицы, теперь принимается за науку» (с.329).

3. Автор «философии хозяйства» показал противоречия и непоследовательность *марксизма* как наиболее популярной идеологии «экономизма». Впрочем, ошибки и нестыковки в «Капитале» Маркса Булгаков стал замечать гораздо раньше, до написания «Философии хозяйства». Но в своих предыдущих работах Булгаков занимался критическим анализом марксизма в рамках политической экономии. В «Философии хозяйства» Булгаков показал несостоятельность марксизма как мировоззрения, претендующего на решение любых «вечных» вопросов человеческой жизни. Например, марксизм претендовал на то, что он создал свою социологию с «железными» законами (идея детерминизма). При этом марксизм был идеологией классовой борьбы, призывавшей пролетариат к свержению буржуазии. Но подобного рода призывы были адресованы не к «атомам» общества, а к людям и апеллировали к

их чувствам и разуму. Предполагалось, что в классовой борьбе рабочие перестают быть «атомами» и превращаются в людей, имеющих свободу выбора.

Образно выражаясь, Булгаков показал, что марксизм – «голый король» и попытался сделать все возможное, чтобы этот «король» перестал править умами интеллигенции (работа «Философия хозяйства», безусловно, была адресована наиболее интеллектуальной части русской элиты, которая в начале XX века была заморожена марксизмом).

4. Труд, творчество, культура.

1. Ключевым признаком хозяйства является труд, трудовая деятельность человека. Труд – целенаправленное преобразование человеком окружающей его природы, а также познание ее тайн. Раскрытие тайн природы (ее законов, выявление новых объектов, раскрытие связей между отдельными элементами природы и т.п.), в свою очередь, представляет собой необходимое условие для последующего практического покорения природы. Таким образом, в концепции Булгакова труд рассматривается в гораздо более широком смысле, чем в традиционной политической экономии. В последней труд включает лишь такие затраты физического и умственного труда, которые приводят к созданию материальных продуктов: «...политическая экономия хотя с самого своего возникновения не расставалась с принципом труда (*под этим принципом понимается, что труд – фактор производства, главный или единственный источник богатства – В.К.*), но вследствие низкой степени философской сознательности и ограниченности ее духовных горизонтов она не знала, как воспользоваться этим принципом, какое отвести ему место. И ему было предоставлено место, совершенно не соответствующее философскому значению этого принципа. Прежде всего, политическая экономия в лице Ад. Смита, фактически же в лице большинства своих представителей – сузила понятие труда до «производительного» труда, выражающегося в материальных благах» (с. 135). В концепции философии хозяйства С. Булгакова трудом являются даже размышления философа об устройстве мира, вселенной и бытии. По Булгакову хозяйство – не только материальное производство. Это также наука, в том числе фундаментальная. В состав хозяйства Булгаков также включает творческую деятельность в сфере искусства и культуры. Булгаков подытоживает свое понимание труда: «Хозяйство, по существу, включает в себя человеческий труд во всех его применениях, от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочета» (с.83).

2. Важным в учении Булгакова является деление труда на: а) принудительный, подневольный; б) свободный, творческий. Он рассуждает о том, как в истории человечества менялось соотношение принудительного и творческого труда. Приходит к выводу, что расширение границ жизни (сферы существования организма) в мире может происходить лишь в том случае, если хозяйственная жизнь будет осуществляться на основе свободного труда.

Подневольный труд сужает сферу жизни. Более того, он разрушает созданный Творцом природный мир.

Даже в условиях самого непосильного хозяйственного «плена» (зависимость от природных и социальных условий) человек должен помнить, что он – сын Божий и сохранять внутреннюю свободу. Христиане должны делать все возможное для того, чтобы: а) труд человека был свободным, творческим (творческий труд уподобляет человека Богу как Творцу); б) строго относиться к своим трудовым обязанностям (независимо от присутствия или отсутствия творческого начала в труде).

3. Труд преобразует не только окружающий мир, но самого человека. Об этой стороне труда, как отмечает С. Булгаков, философия до сих пор ничего не сказала, а политическая экономия этой стороны труда вообще не замечает: «...политическая экономия в силу своего «экономического материализма» знает труд только в его продуктах, в объекте, и просматривает его в субъекте» (с. 136). Труд, по мысли Булгакова, имеет «незаменимое значение для человека, как средство воспитания воли, борьбы с дурными наклонностями, наконец, как возможность служения ближним». Он считает, что роль христианства в общественном и экономическом прогрессе трудно переоценить: оно изменило отношение человека к труду, сделало труд признаком доблести и достоинства, преодолело царившее в древнем мире высокомерное и презрительное отношение к труду, преобразило благодаря этому хозяйственную жизнь Европы.

Булгаков призывает христиан выбрать «царский путь» в своей жизни, имея в виду, что как уклонение от труда, так и чрезмерное (добровольное) обременение трудом в равной степени опасны для человека. Он писал: «Поскольку христианство велит каждому блюсти в себе свободу от хозяйства, не допуская заботе до конца овладеть сердцем, повелевая оставаться духовно свободным от хозяйства при всяком хозяйственном строе, настолько же решительно оно никому не позволяет освобождать себя от труда под тем или иным предлогом» (Булгаков С.Н. Христианский социализм. – Новосибирск, 1991, с. 212).

4. Результатом хозяйственной деятельности является *культура* в самом широком смысле слова. Хозяйственное происхождение имеет не только материальная культура, но также культура духовная, включающая произведения искусства, литературы, науки, философии. «Отпечатки» хозяйственной деятельности несет не только материальный мир, непосредственно окружающий человека и человечество, но также космос. Космос, по выражению Булгакова, «оживотворяется», «согревается» жизнью и трудом человечества. Булгаков постоянно подчеркивал, что какой бы «утонченной» и «духовной» не была человеческая культура, в своей основе она всегда имеет материально-природное начало: «Культура, то есть трудом или хозяйственно вызываемый или реализуемый рост жизни, предполагает природу... Природа есть по-

этому естественная основа культуры, материал для хозяйственного воздействия, вне ее немислимо и невозможно хозяйство, как вне жизни невозможен конкретный опыт» (с. 84-85). Подобного рода высказывания давали основания некоторым комментаторам «Философии хозяйства» называть эту работу С. Булгакова «религией материализма».

5. Наука. Критика механического детерминизма

1. Булгаков высветил истинную роль и место науки, научной деятельности в жизни человека. С одной стороны, Булгаков показал ограниченность науки как средства познания мира. Каждая наука находит свой объект исследования и далее начинает его внимательно изучать, используя наблюдение, эксперименты, расчеты, прибегая к осмыслению собранных фактов с помощью теорий и гипотез. Но у каждой науки есть своя «ахиллесова пята». И даже не одна. Во-первых, каждая из них пользуется набором аксиом, а аксиомы базируются на вере, а вера может ученого подвести. Во-вторых, каждая наука с ее конкретным объектом исследования смотрит на мир не через широкое окно, а крохотную «форточку». Исследователь может не видеть весь объект целиком и, тем более, не видеть связи объекта с другими частями окружающего мира. Результаты наблюдения могут быть неполными и даже искаженными. В эпоху Просвещения началось бурное развитие многочисленных наук, разные группы людей бросились изучать окружающий мир, предварительно расчленив его на части (объекты исследования). Фактически объектом исследования стал разрезанный на кусочки труп. А вот соединить эти части и воскресить труп ученые уже не могли. Итак, отсутствовал целостный, метафизический взгляд на мир. «Скальпели» таких «частичных» ученых наблюдаемый мир умерщвляли. Булгаков считал, что «философия хозяйства» может стать той метафизической базой, на основе которой человечество сможет изучать не расчлененный на куски мир с целью последующего его преобразования.

2. Булгаков считал, что научная деятельность – не просто бездеятельное созерцание мира. Он рассматривал науку как важную часть хозяйственной деятельности человечества. В «Философии хозяйства» он доказал, что «чистой» (находящейся вне хозяйства) науки не бывает. Любая наука появляется лишь как реакция на какую-то потребность человечества. При этом потребности не обязательно должны быть грубо-материальными. Это могут быть потребности культурного и духовного порядка. Но удовлетворение таких «нематериальных» потребностей также необходимо для воспроизводства жизни. В конечном счете, усилия человека в сфере духовной и культурной жизни расширяют сферу его влияния во вселенной, «оживляют» мир.

3. Булгаков дал критику *детерминизма в науке* – идеи, которая безраздельно господствовала как в естествознании, так и в обществоведении со времен Декарта и Лапласа. Если в естествознании механический детерминизм был еще терпим, то в области социальных наук он выглядел более чем стран-

но. Детерминизм в социологии фактически означал, что единственной причиной любых поступков человека являются условия внешней среды, внешние факторы. Человек как существо, свободно принимающее решения, в социологии просто не существует. Лишь есть некий социальный «атом». Булгаков рассматривает эту методологическую несуразность на примере марксизма (о чем мы сказали выше).

6. Критика политической экономии

1. Особое внимание Булгаков уделял рассмотрению *детерминизма в политической экономии*. Такой детерминизм базируется на концепции «человека экономического», который ведет себя в экономическом пространстве подобно «атому», траекторию которого можно рассчитать. Политическая экономия в качестве объектов своего исследования рассматривает большие совокупности таких «атомов», которые называются социальными группами, классами, социумами. За «человеком экономическим», «классом», «социальной группой» не видно живого человека. Вернее, это уже и не живой человек, а автомат, лишенный какой-либо свободы. Но если автомат лишен свободы, он перестает быть творцом, а если он лишается творческого начала, то экономическое развитие останавливается. Хозяйство, тем не менее, развивается, появляются новые виды техники, происходит освоение земли и ее недр, человек рвется в космос и т.п. Если бы все люди были автоматами, то хозяйство не только остановилось бы, но и пришло в упадок. Стало быть, посыл политической экономии о том, что все люди – автоматы и атомы, не верен.

2. Говоря про политическую экономию (особенно ее марксистскую версию), Булгаков отмечает, что она дает «лишь геометрический чертеж человеческих отношений». Она изучает *большие «социальные совокупности»*, за которыми вся индивидуальность человека пропадает. Для Маркса рабочий – лишь отвлеченный, совокупный представитель «пролетариев всех стран», люто ненавидящий капиталистов-эксплуататоров. Этот рабочий – не реальный человек, противоречивый, многогранный, а, как пишет Булгаков, – некий «методологический призрак».

Политическая экономия базируется на статистике, причем особое значение имеет *статистика больших совокупностей и средние величины*. При этом неправильное пользование статистикой может приводить к ложным выводам («суеверие цифр») или реальная действительность может сильно огрубляться («классовые маски, социальные схемы и чертежи»). «Интерес к совокупностям, к изучению массового, типического, среднего в политической экономии достаточно объясняет то преобладающее значение, которое имеют здесь статистические наблюдения. Статистика, не как самостоятельная наука, но как метод массового наблюдения и «категорического исчисления», естественно сделалась подсобной отраслью политической экономии,

которая поэтому впадает нередко – впрочем, не она одна – в суеверие цифр, ища в них то, чего в них нельзя найти...

Методом совокупностей, статистическим или иным, конечно погашается все индивидуальное, вместо него выступают классовые маски, социальные схемы и чертежи» (с.320-321).

3. Политическая экономия представляет ход общественного развития как некий *perpetuum mobile* (вечный двигатель). Такая «линейность» социально-экономического движения общества совершенно не соответствует сложной, отнюдь не прямолинейной траектории исторического процесса. Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Это основоположение политической экономии, что явления хозяйственной жизни обладают качеством повторяемости или типичности (курсив С.Б.), есть общее методологическое предусловие экономических закономерностей. Вместе с тем, очевидно, что этим положением наперед исключено не только индивидуальное, но и вообще новое, историческое: и в этом политико-экономическом мире, как и ранее в социологическом, ничего не происходит, не совершается никаких событий, вращается лишь какое-то экономическое *perpetuum mobile*» (с.322).

Концепция *perpetuum mobile*, или «ничего нового» не только искажает реальную динамику социально-экономического развития, но часто просто оказывается в руках «политэкономов» инструментом откровенного шарлатанства. «Прогноз» Маркса о неизбежной смене капитализма социализмом на основе экстраполяции существовавших тенденций концентрации капитала – типичный пример такого шарлатанства. Булгаков пишет: «Типичен в этом отношении «прогноз» Маркса касательно развития капитализма к социализму: он целиком основан на предпосылке *ceteris paribus* (при прочих равных условиях – В.К.) и представляет собой мысленное продолжение одной из «тенденций», т.е. обобщение некоторых сторон современной действительности. И по тому же типу строятся вообще «тенденции экономического развития», устанавливаемые как статистикой, так и политической экономией. *Ничего нового* (курсив С.Б.), или отрицание исторического и индивидуального, есть поэтому боевой лозунг и политической экономии, этой старшей дочери социологии, в такой же мере, как и ее матери» (с. 323).

7. История и социология

1. Любая *социологическая наука* (и политическая экономия в том числе) – большая абстракция, исходящая из того, что человек – «атом», не обладающий свободной волей. Булгаков не доходит до вывода о том, что социологических наук, строго говоря, не может быть по определению. Но читатель сам неизбежно может додуматься до этого. Речь фактически идет не о науках с «железными законами», а о неких моделях, теориях, гипотезах, сценариях общественного развития. Булгаков справедливо отмечал, что такие «науки» не могут ответить на вопрос: что будет завтра? Человеку и человечеству будущее закрыто непроницаемой завесой. Булгаков несколько раз говорит, что

такие «науки» могут быть лишь «ориентировкой», которая может и должна учитываться при разработке и реализации политики (в том числе в сфере экономики).

2. Что касается *истории*, то она тем более не может быть детерминистической картиной жизни человечества. История – прежде всего непрерывная череда проявлений свободной воли отдельных людей. Конечно, эта свобода реализуется в рамках необходимости (необходимости как природной, так и социальной). Марксисты (впрочем, не только они) пытались и пытаются втиснуть сложную последовательность исторических событий в прокрустово ложе неких «научных» схем. Марксистская схема истории – смена одной общественно-экономической формации другой. «Двигателем» истории выступает некое таинственное развитие производительных сил. Булгаков показал абсурдность марксистской методологии «экономизма», с помощью которой последователи автора «Капитала» пытались и пытаются объяснить любое историческое событие. Равно как и любое явление духовной и культурной жизни.

3. Методологической базой истории во времена бурного расцвета «экономизма» становится *политическая экономия*. Конечно, прежде всего, она концентрирует свое внимание на настоящем и будущем (прогноз социально-экономического развития). Но, тем не менее, она заставляет по-новому трактовать события прошлого, подгоняя их под свои схемы. Как отмечает С. Булгаков в «Философии хозяйства», «Прошлое освещается здесь рефлектором научных понятий настоящего, впрочем, мы и всегда рассматриваем прошлое через очки современности» (с. 324). Такой подход приводит к огрублению, а нередко и карикатурному искажению истории: «Но очевидно, что хотя такая стилизация истории во вкусе современной политической экономии и представляет немалые удобства в целях ориентировки и экономии мысли, достигаемые применением готовой уже символики понятий, однако эта схематизация и модернизация, в которой многие видят самую квинтэссенцию научности, иногда заслоняет от нас историческую действительность в ее красочной индивидуальности. Это причесывание греков и римлян, вавилонян и египтян под капиталистов и пролетариев нового времени, которое все больше входит в моду, имеет не только свои удобства, но и опасные отрицательные стороны, так что, быть может, придется когда-нибудь чистить историческую науку от этих плевел модернизации» (с. 324). Между прочим, эти «плевелы модернизации» стали активно засорять отечественную историю после революции 1917 года, когда главный историк-большевик *Н. Покровский* переписал заново почти все страницы прошлого России на основе марксистского учения об общественно-экономических формациях и «классовой борьбе» как двигателе исторического процесса. Сейчас происходит мучительно болезненный процесс очищения русской истории от «плевел» «исторической школы» *Н. Покровского*, постепенно начинает проступать «историческая действительность в ее красочной индивидуальности». Правда, одновременно историческая

наука в России начинает засоряться «плевелами» иного рода – схемами экономического либерализма (которые, как и марксизм, пришли к нам с Запада).

4. Хотя основной вопрос «Философии хозяйства» - отношения общества (человечества) и природы (космоса), однако Булгаков некоторое внимание уделил также вопросам отношений между людьми внутри общества. Он, в частности, достаточно определил свое негативное отношение к капитализму. Впрочем, не менее негативно он оценил и марксистскую модель социализма. Что касается достижимого для человечества социального идеала, то Булгаков назвал его *социальным христианством*. Понятие «социального христианства» в «Философии хозяйства» не получило достаточно глубокой проработки. Вместе с тем, из его работы видно, что:

а) наиболее идеальное устройство жизни на Земле возможно лишь на основе христианской веры и христианских устоев;

б) жизнь христиан не должна замыкаться лишь на церковно-обрядовой стороне, они не должны отгораживаться от мира; христиане и Церковь должны проявлять активную социальную позицию в жизни, которая, как показал Булгаков, во всех ее проявлениях является хозяйственной деятельностью.

8. Капитализм, социализм, социальный идеал человечества

1. Один из «периферийных» вопросов «Философии хозяйства» - оценка Булгаковым конкретных типов общества. Прежде всего, *капиталистического*. Его отношение к капитализму – негативно-критическое. Он прекрасно видит противоречия, несправедливость, античеловечность капитализма. Например, в работе «Два града» он жестко обвиняет капитализма в «порабощении человека человеком» (см.: Булгаков С.Н. Христианство и социальный вопрос// С.Н. Булгаков. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. – СПб.: Изд-во РГХИ, 1997). Можно заметить, что уже в «Философии хозяйства» (и тем более в последующих работах) Булгаков крайне редко использует слово «капитализм». Он отходит от марксистских идеологических клише (капитализм, социализм, рабовладельческий строй и т.п.) и пытается описывать социально-политические и социально-экономические феномены человеческой жизни с помощью других терминов, которые ближе не к материальной, а духовной стороне жизни. Так, в своей обширной лекции «Война и русское самосознание» (1915 г.) он прекрасно выявляет социально-экономические причины первой мировой войны, однако крайне редко использует слово «капитализм» (примерно в это же время В. Ленин писал свою известную брошюру «Империализм, как высшая стадия капитализма» и почти на всех страницах своей работы говорит о капитализме и его высшей, монополистической стадии как главной и единственной причине войны). Булгаков использует понятия «*новоевропейская цивилизация*», «*мещанская цивилизация*», «*цивилизация меркантилизма*» и т.п. По нашему мнению, такой лексический подбор не случаен: Булгаков стремится показать, что корень всех зол не в социально-

экономическом устройстве жизни, а в духовной сфере. Социально-экономическое устройство, которое тогда было принято называть «капитализмом», – лишь следствие духовного устройства общественной жизни.

2. Именно поэтому у Булгакова *вопросы оценки различных форм собственности, рабства, прибавочной стоимости, ростовщического процента оказываются на периферии его размышлений*. По его мнению, это вопросы – вторичные, чуть ли не «технические». Взять, к примеру, отношение христианства к частной и общественной (общей) собственности. В «Философии хозяйства» Булгаков не стал рассматривать этот вопрос как совершенно второстепенный. Через четыре года в специальной работе «*Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве*», вошедшей в состав книги «*История экономической мысли*» (Пг., 1916). Булгаков объяснил свою позицию по вопросам собственности, рабства, проценте на капитал и другим «жгучим» на тот момент социально-экономическим проблемам. Вот, в частности, его рассуждения о собственности: «...поэтому вопрос о формах собственности для христианства превращается в вопрос чистой целесообразности, по не имеет в себе того принципиального острия, какое содержит он для социализма. Христианство столь же мало связано с хозяйственным индивидуализмом, как и социализмом, и одинаково как к тому, так и Другому обращается с тем же призывом и предостережением: не погружаться в хозяйство до конца, не давать овладеть собою его инстинктам, но по возможности и живя в хозяйстве осуществлять свою свободу от богатства, подчинять его религиозно-этическим нормам. Одним словом, христианству в вопросах хозяйства и социализма принадлежит лишь аскетический обертон, религиозно-этический мотив самообуздания и служения ближнему, а не то или иное суждение, касающееся хозяйственного факта, где царит необходимость со своею целесообразностью. И поэтому все разговоры о "христианском социализме", как единственно нормальной форме христианства в вопросах -хозяйства, основаны на недоразумении: утверждать общую собственность как именно христианскую форму собственности - значило бы овеществлять христианство, связывая его с частными формами экономической целесообразности: христианство проповедует свободу от собственности и попускает последнюю лишь при условии этического регулирования пользования ею. И между идеалом Франциска Ассизского и социализмом столь же мало общего, как между коммунистическими мечтаниями какого-нибудь Беллами и аскетическими заданиями, которые ставил себе в пору своего влияния Джироламо Савонарола, подобно Платону, стремившийся сделать государство принудительным монастырем для воспитания нравов» (цит. по: О. Платонов. Русская экономика без глобализма. – М.: Алгоритм, 2006, с. 446-447). Вопрос о форме собственности, по мнению Булгакова, утрачивает свое первостепенное значение, подчиняясь общей цели достижения экономической и социальной свободы человека.

3. Аналогичную по сути позицию занял Булгаков в отношении вопроса о преимуществах капитализма и социализма. Он, в частности, писал, что «абстрактные категории социализма или капитализма, столь удобные для демагогии, оказываются совершенно неприменимы для углубленного рассмотрения вопроса в свете совести. Но есть высшая ценность, при свете которой и нужно давать сравнительную расценку разных хозяйственных форм. Это есть свобода личности, правовая и хозяйственная. И наилучшей из хозяйственных форм, как бы она ни называлась и какую бы комбинацию капитализма и социализма, частной и общественной собственности она ни представляла, является та, которая наиболее обеспечивает для данного состояния личную свободу как от природной бедности, так и от социальной неволи. Поэтому в своих суждениях о хозяйственных формах и отношении к ним православие исторично. Это есть область релятивизма средств при неизменности цели» (Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви. – М: Терра, 1991, с. 367).

4. Булгаков – реалист, он понимает, что требовать ниспровержения того строя, который он называл «цивилизацией меркантилизма», до тех пор, пока для этого не созрели необходимые духовные предпосылки, - значит обрекать общество, людей на еще более серьезные испытания. Такую точку зрения Булгакова можно назвать *позицией социально-политического реализма*. Таковой, по мнению Булгакова, должна быть и позиция христианства в целом. По его мнению, христианство должно считаться «с пределами эластичности социальной ткани, чтобы не совершить ее разрыва или полома скелета во имя стремления придать социальному телу новую форму» (Булгаков С.Н. Христианский социализм. – Новосибирск, 1991, с.96). Подобные высказывания Булгакова некоторые его политически наэлектризованные критики воспринимали как позицию недопустимой социальной толерантности и оппортунизма. Булгаков интуитивно чувствовал, какие жертвы и муки для русского народа может породить революционная борьба по ниспровержению «проклятого» капитализма, которая разворачивалась на его глазах.

5. С. Булгаков постоянно подчеркивал, что христианин обязан быть *социальной личностью*, не имеет права замыкаться исключительно на вопросах личного спасения. Все вытекает из общего духа «Философии хозяйства», которая апеллирует, прежде всего, к совести и чувству человека, душа которого по своей природе – христианка (Булгаков часто вспоминает эту крылатую фразу Тертуллиана). Такая душа не может не переживать по поводу несправедливостей и притеснений как близких, так и дальних людей. Подробнее свою точку зрения на социальную сторону жизни христианина он излагает в работе «Христианский социализм». Он, в частности, отмечал в ней: «И если заповедь о всеобщей обязанности труда и помощи нуждающимся в материальной поддержке понималась раньше исключительно как *обязанность личного поведения*, то теперь, после того, что мы знаем из общественных наук, одна она не может успокоить совесть, для нас выясня-

ются, кроме того, и *обязанности социального поведения* (*курсив мой – В.К.*)» (там же). Напомним, что Булгаков не только теоретически обосновывал необходимость для христиан активно участвовать в социально-политической жизни, но и сам практически пробовал это делать. Попытался создать свою политическую партию, участвовал в выборах в Государственную думу, был депутатом Думы второго созыва. Впрочем, все это было еще до написания и опубликования «Философии хозяйства». После окончания первой «русской» революции (1905-1907 гг.), Булгаков испытал разочарование в политической деятельности. Его взгляды на формы и методы, содержание и смысл социальной деятельности христианина в условиях «цивилизации меркантилизма» были существенно скорректированы. Впрочем, почти все эти соображения оказались за рамками «Философии хозяйства» и нашли свое отражение в других работах Булгакова.

9. Блуждания по лабиринтам философии. Софианство

1. «Философия хозяйства» - некая развилка творческого пути С. Булгакова. Этой работой он фактически поставил точку на своих изысканиях в области политической экономии. Он окончательно в ней разочаровался, что хорошо видно из той же «Философии хозяйства». Данная работа – апогей творческого увлечения Булгакова «чистой» философией (о чем, впрочем, можно догадаться даже по названию произведения). Но в то же время, как очень требовательный исследователь, Булгаков вынужден был в свою философскую схему ввести некоторые богословские аксиомы (догматы), которые стали краеугольными камнями «Философии хозяйства». Например, положение о падшей природе человека (в результате грехопадения первых людей в раю), о конце человеческой истории (Апокалипсис), о заповеди Бога изгнанному из рая человеку добывать хлеб в поте лица и т.д. Там и сям по работе Булгакова разбросаны ссылки на Ветхий и Новый Завет, на пророков, святых отцов. Было бы неправильно назвать работу Булгакова «чисто философской» (подобно, например, произведениям Платона, Канта, Гегеля). Это - философия с «примесями» христианского богословия (то, что принято называть «религиозной философией»). Некоторые очевидные для христианского мыслителя вещи (вытекающие из Священного Писания или Священного Предания) Булгаков доказывает, используя сложные философские рассуждения. Мне лично это напоминает проведение операции умножения $2 \times 2 = 4$ на мощном компьютере. В русском языке для обозначения этого есть меткое слово: «заумность». Кстати, для отбора теорий, одинаково адекватно отражающих те или иные явления и процессы, ученые применяют предложенный австрийским философом *Махом* «принцип экономии». Булгаков сам вспоминает про этот принцип. К сожалению (это мое субъективное мнение) *философская схема Булгакова в некоторых своих частях не отвечает «принципу экономии»*. Впрочем, многие представители интеллигенции и их верой во всемогущество науки и философии двигаются к Истине (Богу) именно такими длинными, окольными тропами. Об этом мы еще скажем ниже.

2. Было бы полбеда, если бы все ограничивалось «заумностями». Есть попытки сделать «открытия», которые противоречат догматам христианского богословия. Речь идет об идее *Софии*. «Философия хозяйства» - первая серьезная работа С. Булгакова, в которой он изложил свои мысли по поводу Софии (*софиология*). Сразу заметим, что тему Софии Булгаков продолжал обдумывать и в последующих своих работах, которые из философских произведений постепенно превращались в богословские. Фактически это была смелая (скорее дерзкая) попытка Булгакова внести свой вклад в богословское учение православной церкви. Идея Софии впервые была озвучена русским философом и поэтом Владимиром Соловьевым. У Соловьева это выглядело достаточно красиво и не воспринималось остро как ересь. Ведь Соловьев был не только философом, но также поэтом; многие усматривали в Софии Соловьева лишь поэтические рефлексии. Углублять и развивать идею Софии с философских и богословских позиций стал прот. Павел Флоренский, С. Булгаков продолжил эту эстафету. Даже в пределах работы «Философия хозяйства» трудно найти однозначную трактовку понятия «София», в переводе с греческого языка означающего «мудрость». Довольно часто автор называет Софию «Премудростью Божией» или просто «Премудростью».

В рассматриваемой нами работе Софию автор трактует как:

идеальную основу мира;

мир идей;

некое начало, стоящее между Абсолютным духом (Богом) и космосом;

душу мира;

«третье бытие»;

демиурга;

основу всеобщей связи;

соединяющую все части мироздания скрепу;

творящую душу природного мира;

правлящий человеческой историей центр (с сокрытыми в нем объективными законами исторического движения человечества);

творящую душу природного мира (в том числе источник эволюции этого мира) и т.п.

Нетрудно заметить, что некоторые определения Софии, которые мы находим у Булгакова, дополняют и повторяют друг друга. Некоторые между собой не «стыкуются». Выше мы давали данное Булгаковым определение «субъекта хозяйства». Им является «человечество», но при этом Булгаков уточняет: «*трансцендентальное человечество*». Иначе говоря, какое-то «постустороннее человечество». В некоторых фразах Булгакова чувствуется, что

София и есть «трансцендентальное человечество», а реально обитающее на земле человечество – лишь некая бледная, размытая тень потустороннего первоначала. При этом тень в разные периоды истории может больше или меньше соответствовать потустороннему первоначалу по имени София.

Из приведенных выше трактовок Софии, содержащихся в «Философии хозяйства», достаточно трудно понять, какое место по отношению к Богу занимает эта самая Премудрость. Если судить по контексту отдельных мест «Философии хозяйства», то в некоторых случаях София – результат творения Бога, часть тварного мира. В других случаях – ипостась самого Бога («четвертая ипостась»). Свое учение о Софии Булгаков продолжил и углубил в следующем своем крупном произведении «Свет невечерний». Вдохновение при создании своего учения о Софии Булгаков черпал не только из произведений уже упоминавшегося В. Соловьева и П. Флоренского, но также работ древних философов Платона и Плотина, средневекового мистика Якова Бёме.

3. Абсолютно «мертвого» мира, по Булгакову, нет. Признаком «живости» природы выступают происходящие в ней изменения, за которыми следует видеть не хаос, а некую эволюцию с вектором, развернутым на некую таинственную конечную цель. Источником этой эволюции выступает София. Нетрудно заметить, что софиология Булгакова пахнет пантеизмом. Речь идет об учении, согласно которому Бог - в природе, а природа - в Боге; в пантеизме нет грани между Творцом и тварью. Скорее, у Булгакова не «классический» пантеизм (как, например, в философии Спинозы), а «софианская» его разновидность: София – в природе, а природа - в Софии.

В первой главе «Философии хозяйства» Булгаков пишет: «На природе лежит мертвая маска вечности, чуждости, непроницаемости для человека, и лишь избранные тайновидцы знают, что в действительности» это не так (с. 77). А как? Отвечает он строками из *Ф. Тютчева*:

*Не то, что мните вы, природа,
Не слепок, не бездушный лик,
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.*

Но если в поэтическом творчестве допустимы (и даже необходимы) различные метафоры, аллегории и фантазии, то для ученого и философа ссылаться на «поэтическое озарение» (ниже он использует это выражение) не допустимо. Видимо, С. Булгаков относил себя к упомянутым «избранным тайновидцам». Но обычные читатели «Философии хозяйства» (к коим я себя также отношу) не являются «избранными тайновидцами» и воспринимают подобные «откровения» с недоумением.

Упомянутые «откровения» русского философа не столь уже безобидны, как это кажется. В конце прошлого столетия, когда среди интеллигенции обострился интерес к экологии, космизму, теории «большого взрыва», НЛО и т.п. пышным цветом стали расцветать еретические теории «живой Земли», «живого космоса», «живой природы». Доморощенные авторы и пропагандисты таких «теорий» в поисках авторитетов уже тогда ссылались на имена ряда русских мыслителей, среди которых обязательно присутствовали В.И. Вернадский, Л.А. Чижевский, Н.Ф. Федоров и С.Н. Булгаков. «Напитавшись» идеями теорий «живой Земли», наиболее «поэтически озаренные» представители нашей творческой и технической интеллигенции эволюционировали в сторону йоги и других восточных философий, теософии, оккультизма, каббалы.

4. Следует иметь в виду, что идеи софиологии – типичный признак «серебряного века» с его рефлексиями, мистикой, эпатажами, богоискательствами и другими болезнями русской интеллигенции, которой наскучило ортодоксальное христианство с его «слишком простыми» истинами и законами. Тянуло в оккультные кружки, масонские ложи, на сеансы спиритизма. А наиболее «консервативные» представители «просвещенной» интеллигенции спешили не в храмы, а в религиозно-философские общества. Религия там была лишь внешним антуражем, а философские «изыски» *Платона*, *Плотина*, *Бёме* или *Шопенгауэра* или на крайний случай *Шеллинга* были намного интересней, чем нагорная проповедь Христа. Та же самая софиология стала повальной болезнью русской творческой интеллигенции. О ней говорили и писали *Дмитрий Мережковский*, *Зинаида Гиппиус*, князь *Евгений Трубецкой*, *Андрей Белый*, *Александр Блок* и многие другие поэты, писатели, философы. Впрочем, у поэтов и художников понимание Софии было совершенно размытым (некая поэтическая рефлексия) и не встраивалось ни в какую философскую систему. У «профессиональных» философов София играла роль первоначала всего мира и заменяла им реального Бога как Творца и Промыслителя. Именно так они демонстрировали свою искреннюю любовь к Софии (напомним, что в переводе философия – «любовь к Софии», или «любовь к мудрости»). Можно сказать, что софиология – узко кастовая религия «профессиональных» философов.

5. Не секрет, что слово «София» нередко встречается в работах святых отцов и православных богословов, но имеет иной смысл, чем у Соловьева, Флоренского, Булгакова. Оно берет свое начало в ветхозаветных Писаниях в форме олицетворения Премудрости Бога. Там, особенно в местах, близких к новозаветному откровению о Христе, святые Отцы единодушно видели прозрение *Ипостаси Сына Божия*. Таково, например, общецерковное понимание слов о Премудрости, содержащихся в книге Притчей (9:1-9). О том, что наименование - Премудрость Божия относилось всею Православною Церковью ко Второй Божественной Ипостаси, свидетельствуют Деяния Первого, Третьего, Шестого и Седьмого Вселенских Соборов. Так, Первый

Вселенский Собор говорит о непостижимой Премудрости, "Которая создала... все сотворенное", - о Премудрости несозданной, безначальной, т.е. о Христе, потому что Христос есть Божия Сила и Божия Премудрость (1Кор.1:24). О наименовании Второй Божественной Ипостаси Премудростью Божией говорит и факт "посвящения храмов Господу Иисусу Христу, именно как Премудрости Божией с самых древних веков и до настоящего времени в разных православных странах... Таким образом, учение святых Отцов Церкви об Иисусе Христе как Премудрости Божией и это наименование Второй Божественной Ипостаси было воспринято "всею вселенскою Церковью в качестве ясной и безспорной истины""(Архиепископ Серафим (Соболев) "Новое учение о Софии Премудрости Божией", София,1935г., с.121).

Наиболее последовательно и полно критический разбор софиологии Булгакова был дан русским мыслителем *В.Н. Лосским* в работе «*Спор о Софии*», а также *архиепископом Серафимом (Соболевым)* в работе "Новое учение о Софии Премудрости Божией". Архиепископ Серафим, говоря о софийном учении Флоренского и Булгакова, называет его "настоящим еретическим учением с гностическим и языческим мирозерцанием", порождающим "догматический хаос" (указ. соч., с. 513). Отметим, что строгий критический богословский анализ софианства архиепископом Серафимом стал основанием для его осуждения как лжеучения на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви Заграницей. Ересь была осуждена также Московской Патриархией.

Несмотря на объявление софианства ересью (еще при жизни Булгакова), после второй мировой войны его семена дали ядовитые всходы. В интересной книге *Л. Перепелкиной* «Экуменизм – путь, ведущий в погибель» (Джорданвилль, 1992) говорится о том, что ересь софианства способствовала развитию экуменизма, а также она стала использоваться церковными модернистами для того, чтобы «феминизировать» Бога и церковь (введение женского священства), «отредактировать» заново Священное Писание и т.п. Там в частности говорится, что «ее создатели - свящ. Павел Флоренский и прот. Сергей Булгаков посредством хитросплетенного учения о Софии (своими корнями связанного с языческой философией Платона, каббалистическим учением, а также с осужденным Церковью гностицизмом, особенно с гностицизмом валентиниан и рядом других позднейших гностиков-теософов) вводят в Божественную Троицу четвертую, женскую ипостась».

6. В последнее время можно наблюдать некоторый ренессанс софиологии в России. Наиболее рельефно он обозначился в вышедшей недавно книге «*Ренессанс философии хозяйства*» (Под ред. Ю.М. Осипова и Е.С. Зотовой. – М., 2011). Впрочем, и в сегодняшней России продолжается критический разбор софиологии Булгакова и его последователей. В качестве примера можно привести вышедшую недавно статью: Назаров И.В. Софиология Сергея Булгакова: pro et contra // *Философия хозяйства*. – 2012, №3.

10. «Религиозный материализм» Булгакова

1. Сергей Булгаков в «Философии хозяйства» несколько раз упоминал имя русского мыслителя *Н.Ф. Федорова* (1829-1903). Последний прославился своей философией «общего дела» (основная его работа «Философия общего дела» увидела свет почти одновременно с «Философией хозяйства» Булгакова). Просто упоминал, но с уважением и пиететом, не раскрывая причин своего поклонения перед этим автором. Главная идея Федорова: конечной целью человечества является постижение тайн и покорение энергий мира и воскрешение с их помощью всех умерших предков. У Федорова постоянно звучала мысль о человечестве как совокупности поколений от начала мира, об отношениях детей и отцов, считал воскрешение предков (отцов) первейшим долгом детей. Сам Федоров, хотя и называл себя христианином, не вполне разделял все догматы православия, внося в них свои авторские «коррективы». Впрочем, эти «коррективы» при жизни их автора рассматривались как частное мнение мыслителя; его фантазия о всеобщем воскрешении умерших самим человечеством даже не была квалифицирована как ересь. Справедливости ради, следует отметить, что под очарование федоровских фантазий (очень талантливых) попадали многие известные современники Николая Федоровича (*Л.Н. Толстой*, *Н.Ф. Достоевский*, *В.С. Соловьев*).

2. Полагаю, что Булгакова в учении Федорова очаровала не столько идея воскрешения на «научной основе», сколько космизм этого оригинального мыслителя. *Космизм* – религиозно-философское и художественно-эстетическое течение, ставшее популярным среди российской интеллигенции в начале XX века. Основная идея космизма – вера в то, что человечество, опираясь на науку, сможет добиться целенаправленного регулирования природных процессов не только на земле, но и за пределами нашей планеты, в долгосрочной перспективе выйдя даже за пределы Солнечной системы и покоря бескрайние пространства космоса. Человек станет «гражданином» Вселенной. *Н. Федоров* считал, что в случае воскрешения наших предков нашей планеты для размещения людей будет явно недостаточно, поэтому космос неизбежно должен стать домом постоянно растущего человечества. В общем, мы имеем дело с еще одной красивой научно-философской утопией, уводящей человека от живой веры в Бога в безусловное поклонение научному знанию. *Н.Федорова* можно считать основателем русского космизма, другими его яркими представителями стали *К.Э. Циолковский* (1857-1935), *В.И. Вернадский* (1863-1945), *А.Л. Чижевский* (1897-1964). Не чужды были космизму *В.С. Соловьев* и о. *Павел Флоренский*. Наиболее полная (с позиций православия) критика русского космизма содержится в работах наших известных философов *Н.О. Лосского* и *Н.А. Бердяева*.

Идеи космизма, безусловно, присутствуют в «Философии хозяйства» *С. Булгакова*, который хозяйство рассматривал как покорение человечеством не только и не столько природных сил нашей планеты, сколько бескрайних пространств космоса. Во всех публикациях по проблемам русского космизма в

списке основных представителей этого направления религиозно-философской мысли имя С. Булгакова – на одном из первых мест.

3. Весьма сомнительны некоторые высказывания С. Булгакова в «Философии хозяйства» по поводу возможности установления Царства Божия на земле (идея т. наз. хилиазма). Примечательно, что в «Философии хозяйства» и других своих работах Булгаков последовательно и убедительно борется с марксистской разновидностью хилиазма (коммунизм как аналог Царства Божия, земного рая без Бога). В разъяснение этого тезиса он пишет: «Социализм — это рационалистическое, переведенное с языка космологии и теологии на язык политической экономии переложение иудейского хилиазма, и все его *dramatis personae* потому получили экономическое истолкование. Избранный народ, носитель мессианской идеи, или, как позднее в христианском сектантстве, народ «святых», заменился «пролетариатом» с особой пролетарской душой и особой пролетарской миссией» (Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм. // Булгаков С.Н. Соч. в 2 т. М., 1993 Том 2, с. 424–425).

В то же время некоторые высказывания Булгакова, содержащиеся в «Философии хозяйства», можно трактовать следующим образом: Царство Божие на земле - один из вариантов возможного развития человечества. Такую позицию С. Булгакова некоторые исследователи справедливо называют «*религиозным материализмом*» (см.: «Религиозный материализм С. Булгакова // Философия истории. Под ред. проф. А.С. Панарина. – М.: Гардарики, 1999). Здесь я позволю себе процитировать фрагмент из книги проф. А.И. Осипова: «Идея «Царствия Божия на земле», т.е. достижения в земной истории всеобщего духовного и нравственного благоденствия, энергично защищаемая почти до конца своей жизни В.С. Соловьевым и идейно близкими ему в этом мыслителями (прот. С. Булгаковым, С.Н. Трубецким, прот. П. Светловым, Н. Федоровым и др.) отсутствует в святоотеческих творениях и принципиально противоречит Откровению Нового Завета (см.: Мф.24, 5-31; Апокалипсис и др.)» (Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. – М., 2003, с. 206).

Справедливости ради, следует сказать, что в указанном списке последователей хилиазма С. Булгаков является, пожалуй, наименее последовательным его приверженцем. В работах С. Булгакова можно найти достаточно высказываний, в которых он соглашается с мнением св. отцов о принципиальной невозможности Царства Божия на земле в любых его вариантах и сам критикует наиболее одиозные проявления хилиазма, воцарившиеся в среде русской интеллигенции (Дм. Мережковский, З. Гиппиус и др.). В своей эмигрантской работе «*Апокалипсис Иоанна*» С. Булгаков еще раз возвращается к теме хилиазма, давая осторожную и, на мой взгляд, взвешенную его оценку.

4. Автор данной статьи не богослов, поэтому, вероятно, целый ряд отклонений С. Булгакова от православной догматики им не был замечен. В одном энциклопедическом словаре православного направления, содержащем

краткую статью о С. Булгакове, называется точное количество таких «отклонений»: «В его философских воззрениях, однако, усматривается несколько (а именно 16) личных мнений, не приемлемых Церковью» (Букварь. Наука, философия, религия. Под редакцией архимандрита Никона (Иванова) и протоиерея Николая Лихоманова. - М., 2001. - Т. I. - С. 444.). Впрочем, «отклонения» бывают разного рода и «веса». Думаю, что «отклонение» в виде софианства – главное и корневое. Некоторые же «отклонения» можно отнести к предметам неоконченных богословских дискуссий. Среди них, например, особая трактовка С. Булгаковым «геенских страданий» и «вечности ада» (см.: Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. – М.: Сретенский монастырь, 2003. с. 412-414).

Те «перегибы» и догматические искажения, которые С.Н. Булгаков допускал в своих богословских и философских трудах, отчасти можно объяснить тем, что он как мыслитель относился к категории не столько «созерцателей», сколько «делателей» и «преобразователей». С.Н. Булгаков воспринимает человека как существо действующее, активное, обладающее мощным творческим потенциалом. Недаром, в своей речи на Съезде православной культуры в 1930 году он вновь вспомнил своего кумира Н.Ф. Федорова, приводя его слова: «...мир дан человеку не для поглядения, а для действия» (С.Н. Булгаков. Догматическое обоснование культуры // Булгаков С.Н. Соч. в 2-х тт. Том 2. – М., 1993, с.290). Вероятно, подобные высказывания дали основание русскому философу *Н. Бердяеву* говорить о «*таинственном родстве булгаковского православия с материализмом*». Впрочем, в век расцвета «экономизма» среди философов и иных мыслителей «делатели» и «преобразователи» стали явно преобладать над «созерцателями». В этом отношении Булгаков не был уникальным мыслителем. Его своеобразие в том, что он попытался соединить «посюстороннее» (трудовая хозяйственная деятельность человечества) с «потусторонним» (Богом). Для чего ему и потребовалась София как связующее звено между Богом и тварным миром.

Своеобразие Булгакова (на фоне других русских мыслителей начала конца XIX – начала XX вв.) в том, что он представлял личность, обладающую многими творческим ипостасями: ученого, философа, богослова, поэта. Именно это затрудняет использование традиционных подходов к оценке «Философии хозяйства» и других произведений Булгакова.

11. С. Булгаков: этапы движения к истине

Хотелось поделиться некоторыми мыслями, которые возникли у меня после прочтения «Философии хозяйства» и знакомства с другими работами С. Булгакова. На примере этого мыслителя видно, каковы логика и алгоритм движения «образованного» человека к истине. На этом пути он преодолевает несколько этапов.

Испытав немалое разочарование политической экономией Маркса, С. Булгаков попытался осмыслить хозяйственную жизнь преимущественно че-

рез призму философии. До конца, ему это не удалось. Слишком много противоречий, двусмысленностей, «нестыковок» и «белых пятен». Впрочем, по моему личному мнению, это неизбежно сопровождает любую философскую конструкцию (теорию). Разница лишь в том, что созданные некоторыми авторами-философами конструкции поначалу могут выглядеть достаточно красиво, убедительно и казаться логичными. Однако по истечении некоторого времени их очарование блекнет, а иногда такие философские конструкции вообще уходят в небытие. В работе «Философия хозяйства» философия преобладает над богословием. Собственно, немногочисленные богословские «вставки» в работе «Философия хозяйства» играют чисто декоративную роль, напоминают то ли самому автору, то ли читателю, что автор исповедует православие. Это уже позднее, особенно когда Булгаков оказался в эмиграции, в его работах богословие стало превалировать над философией.

Здесь я вынужден сделать некоторое отступление. Вопрос о соотношении науки, философии и богословия в деле постижения истин бытия крайне сложен. Неистребимое желание постичь истину заставляет ученого понимать ограниченность своего взгляда на мир с позиций той науки, которой он занимается. Пытливый исследователь рано или поздно приходит к выводу о необходимости взглянуть на объект своего исследования с высоты метафизики, т.е. некоей системы, которая претендует на целостное восприятие мира. Это и есть философия.

Молодой С. Булгаков, занимался политической экономией (особенно марксистской его разновидностью). Он преподавал политическую экономию, написал ряд работ по экономической тематике. Среди них: статьи «*О некоторых основных понятиях политической экономии*» (1898), «*К вопросу о капиталистической эволюции земледелия*» (1899). В 1900 г. им была подготовлена двухтомная диссертация «*Капитализм и земледелие*» (в которой, он, между прочим, ставил под сомнение правильность общих выводов К. Маркса о тенденциях развития капитализма применительно к аграрному сектору экономики).

С.Н. Булгаков вскоре понял условность, неточность, а иногда и ошибочность многих положений научной дисциплины, называвшейся «политическая экономия». Из приверженца марксистской политической экономии он стал превращаться в ее критика (за что, кстати, сам подвергся резкой критике со стороны российских марксистов, среди которых был и *В.И. Ленин-Ульянов*). Итоги его критических размышлений и сомнений были изложены Булгаковым в изданном в 1903 году сборнике «*От марксизма к идеализму*». И стал пытаться разглядеть ответы на мучавшие его вопросы, относящиеся к сфере социальной и экономической жизни, с высоты «птичьего полета» философии. Особенно молодой человек увлекся немецкой классической философией (Кант, Гегель, Фихте, Шеллинг). «Философия хозяйства» - результат таких настойчивых поисков экономиста С. Булгакова. Этому фундаментальному исследованию предшествовали такие работы в области философского

осмысления социально-экономической проблематики, как «*Церковь и социальный вопрос*» (1906), «*Загадочный мыслитель*» (о Н.Ф. Федорове, 1908), «*Народное хозяйство и религиозная личность*» (1909) и др.

Взойдя на высоты метафизики, он совершенно по-другому взглянул на многие вопросы экономики. Но, что примечательно, с этих высот ему открылись помимо экономической многие другие сферы бытия, которые были не менее интересными и актуальными, чем экономика. Вероятно, после написания «*Философии хозяйства*» интерес С. Булгакова к экономике как науке был в значительной степени утрачен. Философия вышла на первое место. В центре внимания оказались такие вечные предметы, как онтология (учение о бытии), гносеология (учение о познании), антропология (учение о человеке), космология, проблема соотношения свободы и необходимости и многие другие. Сейчас мы не будем оценивать результаты философских поисков С. Булгакова, об этом мы скажем позднее.

Отметим, что и увлечение философией также было не слишком продолжительным. Условно его можно определить хронологическими рамками 1903-1913 гг. С. Булгаков с каждым годом все острее чувствовал ограниченность философских методов постижения истины. Ноты сомнения во всемогуществе философского знания звучат в заключительной части речи С. Булгакова на докторском диспуте при защите диссертации «*Философия хозяйства*» (сентябрь 1912 г.): «Различные философские системы не только смотрят на мир чрез разные окна, но предполагают и различные, хотя и необходимые для них догматические базы, иногда сознательно, иногда бессознательно. Другими словами, они строятся из аксиом, интуитивных и недоказуемых. В основе всякой подлинной философской системы, т.е. имеющей самостоятельный мотив (а не компилятивно построенной), лежит некоторая внутренняя интуиция, особым образом окачествованное мироощущение. Нельзя спорить об аксиомах, и, однако, различие аксиом с необходимостью ведет и к различию выводов. Ибо по-своему одинаково последовательны и евклидова и неевклидова геометрия, различаются их аксиомы. И, исходя из такого интуитивизма в понимании философских систем, я наперед должен признать, что и системы философии хозяйства могут правомерно различествовать, если расходятся исходные их аксиомы. Здесь заложены возможность неистребимых, по крайней мере, средствами теории, разногласий, единство мыслей достигается только жизненным единением. И потому для меня ясно, что наряду с данной философией хозяйства может быть построенная и совершенно иная» (с. 376).

Условно можно сказать, что 1913 – 1923 гг. были переходным периодом, временем постепенного превращения С.Н. Булгакова из философа в христианского богослова. Превалирование богословия над философией хорошо уже видно в работе «*Свет не вечерний*», вышедшей в 1917 году. Впрочем, вкрапления социально-экономической проблематики присутствуют и в работах переходного периода. Например, в третьей части третьего отдела

«Света невечернего» можно найти много интересных мыслей о хозяйстве и теургии, хозяйстве и искусстве, эсхатологии хозяйства. Достаточно насыщена социальной проблематикой крупная работа *«Христианство и социализм»* (1917). Примечательно, что в этой работе он начинает уходить от явно выраженного в *«Философии хозяйства»* крена в сторону «религии материализма».

От «классической» философии С. Булгаков почти полностью отошел после своего рукоположения в священники (1918 г.) и вынужденной эмиграции из России (1923 г.). Очевидно, что священническое служение помогало о. Сергию выходить за рамки чисто кабинетного богословия, опираться на личный практический опыт духовной жизни. А революция, гражданская война и мытарства после прихода к власти большевиков наверняка заставили Булгакова по-новому взглянуть на многое из того, чтобы было им написано и продумано в *«Философии хозяйства»*. После этого начинается «богословский период» жизни, который продолжался до кончины прот. Сергия Булгакова в 1944 году. В эмиграции выходят такие его работы как: *«Купина неопалимая»* (1927 г.), *«Друг жениха»* (1927 г.), *«Лествица Иаковля»* (1929 г.), *«Агнец Божий»* (1933 г.), *«Утешитель»* (1936 г.). Посмертно вышли: *«Апокалипсис Иоанна»* (1948 г.), *«Философия имени»* (1953 г.). В 1965 году в Париже на русском языке была издана книга о. Сергия Булгакова *«Православие. Очерки учения православной церкви»* - сборник работ разных лет, в том числе и не издававшихся ранее. Последняя из названных книг является наиболее концентрированным изложением богословских воззрений о. Сергия. Примечательно, что в этой книге есть небольшая главка *«Православие и хозяйственная жизнь»* (правда, ничего принципиально нового по сравнению с написанным ранее она не содержит; в том числе она повторяет целый ряд мыслей, изложенных в *«Философии хозяйства»*). Конечно, отца Сергия последних лет его жизни нельзя назвать «чистым» богословом, философская и социальная проблематика вкрапляется в его произведения. Поэтому биографы и исследователи творчества Булгакова чаще всего квалифицируют его как *«русского религиозного философа»*, с таким определением можно согласиться.

Эволюция мыслителя от философии к богословию не является чем-то уникальным. Многие пытливые умы шли по такому пути. Например, наш известный подвижник благочестия игумен *Никон (Воробьев, ум. 1963)* также прошел этот путь исканий. Еще до революции он имел вкус к наукам, но потом, увидев их ограниченность, обратился к философии. Заметим, что при этом молодой человек был очень далек от Бога. Вот что говорил по поводу философии в конце своей жизни игумен Никон Воробьев: «Изучение философии показало: каждый философ считал, что он нашел истину. Но сколько их, философов, было? А истина одна. И душа стремилась к другому. Философия – это все суррогат; все равно, что вместо хлеба жевать резину. Питайся этой резиной, сыт будешь? Понял я, что, как наука ничего не говорит о Боге, о будущей жизни, так не даст ничего и философия. И совершенно ясен стал

вывод, что надо обратиться к религии» (цит. по: А.И. Осипов. Путь разума в поисках истины. – М.: изд-во Сретенского монастыря, 2003, с. 182).

Мы уже упоминали имя русского религиозного философа *Н. Бердяева*, который достаточно критически оценивал целый ряд идей С. Булгакова (не только идею софианства, но также «перекос» в сторону материализма, излишнюю толерантность в отношении капитализма и т.п.). Вместе с тем он признавал искренность и страстность Булгакова в поисках истины. А также обратил внимание на то, что С. Булгаков как мыслитель постоянно духовно и интеллектуально возрастал, проходя последовательно те этапы, о которых мы сказали. По мнению Н. Бердяева, это типичный путь честного русского интеллигента (попавшего в трагические переплеты истории первых десятилетий XX века): «Искания Булгакова имеют большое значение и должны быть высоко оценены. В нем есть подкупающая серьезность и искренность. Он очень русский, и пережитый им религиозный кризис имеет значение для судьбы русского сознания. В лице Булгакова как бы русская интеллигенция порывает со своим атеистическим и материалистическим прошлым и переходит к религиозному созерцанию и христианству. Это процесс большого углубления» (Бердяев Н.А. Возрождение православия (о С. Булгаков) // Н.А. Бердяев о русской философии. Часть 2. – Свердловск, 1991, с. 193-194).

12. От «Философии хозяйства» - к «богословию хозяйства»

Итак, перейдя от размышлений преимущественно философских к размышлениям богословским, Булгаков почти перестал интересоваться вопросами хозяйства. Таким образом, Булгаков не использовал ту интересную возможность, которая открывалась у него. Он так и не заложил камня в здание *«богословия хозяйства»*. Впрочем, у Булгакова были свои приоритеты, вероятно, он считал, что другие богословские вопросы были еще более актуальными. Не нам об этом судить. Но работа Булгакова *Замах и смелость автора в «Философии хозяйства»* заслуживает уважения. Но, думаю, было бы намного продуктивнее, если бы С. Булгаков посвятил бы свою работу не философскому, а *богословскому осмыслению хозяйственной жизни человека и общества*. Мне кажется, что именно на этом пути можно достичь действительно серьезных результатов, которые так нужны православному человеку в современных условиях.

К сожалению, в течение целого века после выхода в свет книги «Философия хозяйства» С. Булгакова так и не появилось фундаментальных работ, которые бы были посвящены осмыслению экономики с позиций богословия (мы имеем в виду - православного богословия; в лоне католической и протестантских церквей таких работ выходило и выходит достаточно много).

Пожалуй, единственное исключение составляет статья *Н.В. Сомина*, которая называется «Надо создавать «богословие экономики»» (размещена 09.01.2009 на сайте «Христианский социализм как русская идея»). Основная цель *богословия экономики*, как отмечает автор, – «осмысление всей сферы

экономических феноменов с позиций православия». Конкретные задачи богословия экономики, как отмечается в указанной статье, заключаются, прежде всего, в определении тех нравственных ориентиров, которыми православный человек должен руководствоваться в своей хозяйственной деятельности. В принципе такие ориентиры заложены в Священном Писании и Священном Предании, в работах святых отцов, русских и зарубежных богословов и православных мыслителей. Но большая часть этого духовного и интеллектуального «капитала» лежит под спудом. Современная жизнь, как отмечал С. Булгаков, характеризуется духом «экономизма», который заглушает «духовные рецепторы» человека. В атмосфере повальной эпидемии «экономизма», перерастающего в «мамонизм», знание этих ориентиров и умение правильно ими пользоваться становится главным условием нашего физического выживания и духовного спасения.

Можно согласиться с постановкой вопроса, содержащейся в статье Н. Сомина. Лишь с одной оговоркой: это должно быть не «богословие экономики», а «*богословие хозяйства*».

13. Еще раз об «экономике» и «хозяйстве»

Дело в том, что «хозяйство» и «экономика» - отнюдь не синонимы, как это принято считать. Обратим внимание, что Булгаков назвал свою работу «Философия хозяйства», а не «Философия экономики». Уже во времена Булгакова марксизм был доминирующей в Европе и России идеологией и философией. Так вот «экономика» марксизмом (а также некоторыми другими течениями мысли) стала трактоваться как отношения между людьми по поводу производства, обмена, распределения и потребления продуктов труда. Получалось, что «экономика» – нечто невидимое, неосознаваемое, называемое «производственными отношениями». При этом производственные отношения являются составной частью всего спектра общественных отношений, занимая в них главенствующее, определяющее место. Так нас учили в советское время в ВУЗах на занятиях по политической экономии и историческому материализму.

Но ведь экономические (производственные) отношения – лишь одна сторона медали, называемой «хозяйством». Помимо этих отношений хозяйство включает само производство и потребление – процесс непрерывного материально-энергетического метаболизма в системе «природа-общество».

Чаще всего в практической жизни люди, употребляя в разных сочетаниях слово «хозяйство», имеют в виду именно вторую, материально-вещественную сторону жизни человека и общества («народное хозяйство», «домашнее хозяйство», «сельское хозяйство», «приусадебное хозяйство», «фермерское хозяйство», «подсобное хозяйство», «мировое хозяйство» и т.п.). И Булгаков, изучавший и преподававший политическую экономию, почувствовал ограниченность предмета этой экономической дисциплины. Поэтому он вышел на метафизический уровень понимания хозяйства как в

первую очередь отношений между человечеством (обществом) и миром (природой). В «Философии хозяйства» он сделал акцент именно на этой стороне хозяйства, которой в то время не интересовались толком не политэкономы, ни философы, не представители конкретных наук.

В конце XX века в связи с резким обострением экологических проблем в мире возникла острая необходимость осмыслить причины этой глобальной катастрофы человечества. Одна из причин лежала на поверхности и была быстро определена: отсутствие целостного, единого взгляда человечества на свои взаимоотношения с окружающей природной средой. Бросалось в глаза, например, что между естественными и общественными науками за несколько столетий со времени Просвещения была воздвигнута самая настоящая «китайская стена». Об этом в советское время очень убедительно и интересно говорил и писал наш географ проф. *В.А. Анучин*, лекции которого мне в свое время посчастливилось прослушать (его идеи изложены, в частности, в следующей работе: Анучин В.А. Основы природопользования. Теоретический аспект. – М.: «Мысль», 1978). В последние десятилетия прошлого века нашими и зарубежными философами был поставлен неприятный диагноз: отсутствие философского осмысления взаимодействия человечества и природы, хозяйственного освоения человечеством окружающего мира. А ведь такой целостный, метафизический подход еще в начале века как раз и предлагал в своей «Философии хозяйства» С. Булгаков. В этом смысле работа С. Булгакова даже опережала по своим идеям учение другого русского мыслителя – *В.И. Вернадского*, которого у нас принято считать основателем учения о биосфере и ноосфере, автором общей теории взаимодействия общества и природы.

Итак, мы выступаем с задачей создания именно «Богословия хозяйства», предметом которого должны стать в равной степени как экономические отношения в обществе, так и отношения общества с природой. Имея в виду, что *в процессе хозяйственной деятельности человек, прежде всего, находится в тех или иных отношениях с Богом*. Напомним: в «Философии хозяйства» Булгаков неоднократно подчеркивал, что субъектом хозяйственной деятельности, т.е. хозяином выступает человечество. В богословии хозяйства происходит смещение: Хозяином выступает Бог, а человечество – лишь управляющим этого Хозяина, которому (управляющему) поручено возделывать землю.

Формирование «богословия хозяйства» - приоритетное направление деятельности недавно созданного *Русского экономического общества им. С.Ф. Шарапова (РЭО)*. Основные задачи в области разработки «богословия хозяйства» зафиксированы в документе, который называется «Концепция деятельности Русского экономического общества им. С. Шарапова».

Внимательный читатель может заметить некоторое противоречие в изложенной выше позиции. А именно: общество, называемое «экономиче-

ским», заявляет, что будет заниматься «хозяйством». Противоречия нет, поскольку в названии нашего общества слово «экономическое» восходит не к марксистскому узкому пониманию слова «экономика», а к той трактовке, которая была дана еще *Ксенофонтом* (430-355 до Р.Х.) и *Аристотелем* (384-322 до Р.Х.) и была общепринятой на протяжении более двух тысячелетий. Тогда под «экономикой» понималось «искусство управления домашним хозяйством», «домашнее хозяйство», «домострой», а позднее – просто «хозяйство».

«Экономика» и «хозяйство» в эпоху расцвета христианства совпадали, они разошлись лишь в Новое время. Сегодня пропасть между «экономикой» и «хозяйством» стала просто громадной. В понятие «экономика» стали включаться разного рода финансовые рынки и спекуляции (также «экономические отношения», но только не по поводу производства, а по поводу бесконечного передела созданного ранее общественного продукта). Связь современной «экономики» с трудом и созиданием общественного продукта исчезает на наших глазах. Мы имеем дело не с созиданием дома, «домостроем», а с разрушением ранее построенного дома. Фактически это «антиэкономика». Впрочем, еще Аристотель предвидел, что экономика может незаметно трансформироваться в свою противоположность, которую он называл «*хрематистикой*» (искусство накопления богатства) и предупреждал об этой опасности.

Булгаков смутно предчувствовал такую мутацию экономики и порождаемый ею кризис хозяйства и всего человечества. На докторском диспуте при защите диссертации «Философия хозяйства» (сентябрь 1912 г.) он сказал: «Капитализм с его железной поступью, с его неотразимой, покоряющей мощью, влекущей человечество куда-то вперед по неведомому и никогда еще не испытанному пути, не то к последнему торжеству, не то к губительной бездне, - вот тот всемирно-исторический факт, которым мы невольно загипнотизированы, вот ошеломляющее впечатление, от которого мы не можем освободиться. Человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой победой и все больше чувствует себя невольником хозяйства» (с. 364).

Преодоление кризиса хозяйства возможно лишь на путях возвращения человечества к истинному христианству, только в этом случае исчезнет расхождение между хозяйством и экономикой. И тем более, исчезнет «антиэкономика» (она же – «хрематистика»). Будем надеяться, что с Божьей помощью РЭО, отталкиваясь от позитивных идей «Философии хозяйства» С. Булгакова, сумеет продолжить метафизическое осмысление хозяйственной жизни на базе православного богословия.

В.Ю. Катасонов, проф., д.э.н., председатель Русского экономического общества им. С.Ф. Шарапова